

Лу Сяньчжоу примчался, когда всё уже закончилось, а Цяо Цзиня отправили в палату. Он ворвался внутрь, словно обезумевший, но, взглянув на бледное лицо Цяо Цзиня, наконец позволил себе выдохнуть — тяжелый груз с души упал.

Чжоу Ваньжун проговорила: Двойняшки. Хочешь посмотреть?

Лу Сяньчжоу даже головы не поднял: На что там смотреть? На этих сорванцов, что довели своего отца до такого состояния? Еще легко отделались, что я их не отлупил.

Чжоу Ваньжун испуганно осеклась, не смея больше предлагать ему взглянуть на детей, и поспешила отойти подальше с тихо плачущими младенцами. Ну и отец — ни капли человечности!

Сердце Лу Сяньчжоу, охваченное волнением, всё еще не могло успокоиться. Он сжал руку Цяо Цзиня: Малыш, ты так намучился.

Цяо Цзинь спал крепким сном, закрыв глаза. Если не считать того, что цвет лица еще не восстановился, он выглядел как обычно.

Чжоу Ваньжун сказала: Врачи говорят, с ними всё в полном порядке. Наверное, ты просто очень устал, скоро проснешься. Я отправила тетю Ли домой варить бульон, сейчас вернусь, чтобы сменить её. Дедушке я уже сообщила радостную новость, думаю, они скоро придут проводить Цяо Цзиня.

Лу Сяньчжоу помолчал.

Чжоу Ваньжун положила ребенка и легонько похлопала его: Бабушка завтра снова придет на тебя посмотреть, будь послушным, Ци Цзинь.

Лу Сяньчжоу никогда не слышал, чтобы она говорила с кем-то так нежно. Он и подумать не мог, что впервые эта ласка достанется Ци Цзиню, и невольно усмехнулся.

Чжоу Ваньжун тихо вздохнула и схватилась за сумку.

В тот самый момент, когда её рука коснулась дверной ручки, в палате раздалось едва слышное: Мама.

Чжоу Ваньжун застыла, её пальцы задрожали, словно от удара током: Как... как ты меня назвал?

Лу Сяньчжоу не ответил, вместо этого сказав: У нас с Цяо Цзинем нет опыта, так что в будущем, когда дело коснется заботы о детях, придется тебя побеспокоить.

Глаза Чжоу Ваньжун защипало, и из них хлынули слезы. За всю свою жизнь она ни разу не чувствовала себя так — всего одно слово заставило её рыдать.

Ты... ты простил меня?

Лу Сяньчжоу спросил её в ответ: А ты на самом деле любишь Цы Шэня и Ци Цзиня?

Боясь, что он не поверит, Чжоу Ваньжун подсознательно сделала шаг вперед: Конечно!

Лу Сяньчжоу ответил: Ты их бабушка, я не собираюсь лишать тебя права проявлять к ним любовь. Надеюсь только, что ты не позволишь им стать такими, как я.

—

Цяо Цзинь оказался большим любителем поспать: он очнулся только глубокой ночью. Лу Сяньчжоу уже начал волноваться, не случилось ли чего.

Он вызывал врача бесчисленное количество раз, пока тот, наконец, не взмолился: Я видел много людей, которые души не чают в своих омегах, но таких, как вы — никогда.

Лу Сяньчжоу места себе не находил: Нет, вы не понимаете, почему он до сих пор не проснулся?

Пусть поспит подольше, если уж так нейдет — разбудите его сами? — врача уже начал раздражать этот чрезмерно опекающий муж. Ему оставалось только ткнуть его в лоб и сказать: Нельзя ли хоть немного уgomониться?

Дедушка и бабушка приходили навестить Цяо Цзиня и малышей, пробыли там полдня, не в силах налюбоваться внуками. Уходя, они всё твердили Лу Сяньчжоу, чтобы тот хорошо заботился о Цяо Цзине и отложил работу, какой бы важной она ни была.

Лу Сяньчжоу ответил: Будто я сам не знаю.

Дедушка подошел к колыбели и принялся внимательно рассматривать младенцев. Его строгое, редко улыбающееся лицо смягчилось: Это Цы Шэнь, а это Ци Цзинь?

Чжоу Ваньжун поправила его: Вы перепутали, дедушка. Тот, что тихий — Ци Цзинь, а этот егоза — Цы Шэнь.

... — Дедушка смотрел, как маленький Ци Цзинь чмокает губами и икает, и сердце его растаяло. Он протянул руки: Дайте-ка поддержку.

Чжоу Ваньжун осторожно передала ребенка. Дедушка принял его так бережно, словно боялся сломать: Ой, ну посмотрите, какой послушный, просто сердце радуется.

Чжоу Цзинминь стоял у кроватки маленького Цы Шэня, тыча пальцем в его сжатый кулачок: Когда же этот малыш сможет позвать меня дедушкой?

Цзянь Чжияуань подшутил над ним: Ну хватит тебе. Он только родился, дня еще не прошло, а ты уже требуешь, чтобы он дедушку звал.

Чжоу Цзинминь лишь рассмеялся в ответ. Всю жизнь с Цзянь Чжияуанем они жалели лишь об одном — что не смогли завести собственных детей, но теперь, с появлением внука, их жизнь стала полной.

Лу Сяньчжоу прислонился к краю больничной койки, наблюдая за тем, как они возятся с детьми и о чем-то болтают. В комнате царила гармония. На самом деле, он никогда раньше не испытывал ничего подобного. С самого детства он был один, привык просчитывать других, чтобы не оказаться обманутым самому. И только с появлением Цяо Цзиня он узнал, что такое тепло.

Он обещал подарить себе семью, и он действительно это сделал.

—

Ммм... больно. — Цяо Цзинь медленно открыл глаза, и первым его словом была жалоба на боль.

Лу Сяньчжоу тут же развернулся, взволнованно спрашивая: Что такое? Где болит? Я позову врача.

Цяо Цзинь ухватился за его палец и легонько покачал головой: Нет, всё хорошо, не очень больно, не волнуйся. У тебя лицо такое испуганное.

Лу Сяньчжоу потер лицо: Ничего не испуганное, говори, что я красавчик!

Цяо Цзинь улыбнулся, сжав губы. Бабушка, пошатываясь, подошла, взяла Цяо Цзиня за руку и коснулась его лица, со слезами на глазах шепча: Малыш, ты так настрадался.

Вовсе нет. — сказал Цяо Цзинь, поворачивая голову к Лу Сяньчжоу, — Где дети? Я хочу их увидеть.

Услышав это, Чжоу Ваньжун поспешила принести их и положить рядом с подушкой Цяо Цзиня: Это Ци Цзинь, посмотри, похож ли он на тебя.

Цяо Цзинь немного понаблюдал и рассмеялся: Весь в морщинках, не разберешь.

Все засмеялись.

Дедушка с бабушкой посидели еще немного и ушли, опасаясь, что Цяо Цзиню нужно отдыхать. Лу Сяньчжоу покормил его, вытер ему руки и ноги, и только закончив, наконец вздохнул с облегчением.

Цяо Цзинь, прости меня.

М? — Цяо Цзинь, разглядывавший детей, удивленно вскинул голову, — Что случилось?

Я обещал пойти с тобой в операционную, но не сдержал слова.

Ничего страшного, ты же не нарочно.

Лу Сяньчжоу поклялся: В будущем я не пропущу ни одного важного момента в жизни тебя и наших детей. Обещаю.

М.

—

Некоторые омеги могут кормить грудью, но эти двое оказались такими прожорливыми, что молока Цяо Цзиня явно не хватало, поэтому Лу Сяньчжоу решил перевести их на смесь.

Однако, поскольку молочные железы были подготовлены к лактации, без прикладывания Цяо Цзинь чувствовал неприятное напряжение.

Среди ночи Ци Цзинь проголодался. Цяо Цзинь, опасаясь разбудить Лу Сяньчжоу, решил попробовать покормить дочь сам. Маленькие губы ребенка были мягкими и горячими, и когда она присосалась, Цяо Цзинь на мгновение замер.

Оказывается, это такое чувство.

Ци Цзинь, привыкшая к бутылочке, ничуть не растерялась, инстинктивно вцепившись в грудь.

Цяо Цзинь легонько похлопал её по спинке, помогая дышать, но, подняв голову, тут же встретился взглядом с Лу Сяньчжоу: Ты... ты когда проснулся?

Когда ты начал её кормить.

Лу Сяньчжоу подошел и, наклонившись, похлопал дочь по спинке: Маленькая проказница, а вкус у тебя привередливый.

Цяо Цзинь заметил, что, хотя Лу Сяньчжоу похлопывает дочь, его взгляд не отрывается от него самого. Цяо Цзинь невольно поймал себя на мысли, что смущается, и поспешно поправил одежду.

Цяо Цзинь.

Ч-что?

Взгляд Лу Сяньчжоу потемнел, на губах заиграла усмешка, и он придвинулся ближе: Надеюсь, мне выпадет честь разделить трапезу с Ци Цзинем?

—

Хотя Цяо Цзинь выглядел худым, благодаря многолетним занятиям танцами и серьезным физическим нагрузкам, он восстанавливался быстрее, чем другие.

Во время беременности он почти не набрал лишнего веса, и к моменту выписки его фигура почти не изменилась. Немного тренировок — и он снова сможет выйти на сцену.

Изначально они планировали завести детей пораньше, но Лу Сяньчжоу настаивал, чтобы Цяо Цзинь дождался окончания учебы.

В день выписки Лу Сяньчжоу не стал беспокоить дедушку и бабушку, попросив Цю Фэя приехать на машине и помочь собрать вещи.

Нин Лань всё это время была в командировке и вернулась только пару дней назад. Вместо Цю Фэя она приехала сама.

Цокая своими фирменными высокими каблуками, она вихрем ворвалась в палату: Где наши малыши? Милый, я тут так закрутилась, что голова идет кругом, дай посмотреть, дай посмотреть!

Лу Сяньчжоу хлопнул её по руке: Не пугай мне дочку.

Нин Лань, уже слышавшая про двойняшек, тут же фыркнула: Дочка — сокровище, а сын — просто так, щенок? Лишь бы дочку не напугать.

У тебя всегда столько болтовни.

Нин Лань наклонилась и подняла ребенка, чувствуя, как сердце тает: Ой, черт, Лу Сяньчжоу, он мне улыбнулся! Твой сын положил на меня глаз, как насчет помолвки?

Лу Сяньчжоу: Даже не думай. Цы Шэнь не переплюнет статус доктора Ханя, я боюсь, что помолвка сорвется, оставь это.

Нин Лань: Ха, да кто он такой по сравнению с моим маленьким господином? Скажешь тоже! Да хоть десять докторов Ханей не стоят того, чтобы менять.

Цяо Цзинь прищурился, улыбаясь.

Чжоу Ваньжун подошла помочь, и вчетвером они покинули больницу. Когда они вернулись домой, дедушка и бабушка уже ждали их, чтобы устроить теплый прием для героя-отца.

Цяо Цзинь так тронулся, что едва сдержал слезы, чтобы они не потекли по щекам.

Вечером, после ужина, Лу Сяньчжоу, беспокоясь, что всем будет беспокойно уезжать, а места в доме было достаточно, попросил тетю Ли приготовить еще несколько комнат. Смех и радость в доме были такими, что хотелось, чтобы время остановилось.

Цяо Цзинь тихо вздохнул. Жаль только, что его мама не дожила до этого дня.

Ян Цинь навредила и Лу Сяньчжоу, и ему самому, но он не чувствовал ненависти, лишь задавался вопросом — как бы всё сложилось, будь она жива?

О чем задумался? — Лу Сяньчжоу обнял его со спины.

Цяо Цзинь моргнул: О тебе.

Лу Сяньчжоу ущипнул его за нос: Всё лучше и лучше говоришь. Когда только вышел за меня, всё время заикался, а теперь язык подвешен будь здоров. Не стерся от частого использования?

Цяо Цзинь дернул губами, невольно подумав о чем-то не том: Ты опять пошлый.

С чего это я пошлый? Я имел в виду, что ты стал много болтать, а ты о чем подумала? Рот...

Цяо Цзинь прикрыл ему рот ладонью: Ни о чем я не думала! Кстати, ты сменил подгузник Ци Цзиню?

Лу Сяньчжоу тяжело вздохнул: Сменил. Представляешь, образ властного гендиректора — и вот я каждый день дома меняю подгузники двум маленьким сорванцам. Дашь мне какую-нибудь награду?

Цяо Цзинь: Какую награду?

Лу Сяньчжоу перевел взгляд на кое-что слегка намокшее: Ту сладость, которую Ци Цзинь и Цы Шэнь пробуют каждый день.

Цяо Цзинь прикрыл грудь: Н-нельзя.

Даже капельку пожалел для меня? Ну точно, с появлением детей я, этот инструмент, стал не нужен.

Какой ты инструмент... — Лу Сяньчжоу своими нелепыми придирками довел Цяо Цзиня до смеха, — Почему ты с каждым днем всё более ребячливый? Ревнуешь ко всему подряд, даже к собственным детям.

Так дашь попробовать или нет?

На самом деле Лу Сяньчжоу не то чтобы очень хотел попробовать — ему просто нравилось смотреть на то, как Цяо Цзинь кормит этих маленьких чертенят, это заводило его сильнее, чем что-либо другое.

Цяо, соскучился по тебе.

Цяо Цзинь повернул голову, делая вид, что не понимает: Ты же каждый день дома, мы двадцать три часа из двадцати четырех проводим вместе, откуда взяться тоске?

Лу Сяньчжоу перехватил его руку: Здесь соскучился.

Цяо Цзинь почувствовал, как пальцы задрожали, и инстинктивно отдернул их: ...Врач сказал, что н-нельзя.

Лу Сяньчжоу наклонился и поцеловал его: Знаю, что нельзя. Ты просто вели ему вести себя потише, он ведь слушается тебя.

Цяо Цзинь пошевелил пальцами, почувствовав, как тот судорожно вдохнул, и вдруг перестал

стесняться. Глядя на его слегка мученическое лицо, он начал вредничать и, в отместку, больно его ущипнул.

Ш-ш-ш...

Цяо Цзинь выгнул брови, гордо вскинув подбородок: Слушается меня?

Лу Сяньчжоу сжал зубы: Разболтался, значит? Вот поправишься — покажу я тебе, как меня учить.

Цяо Цзинь, пользуясь тем, что сейчас Лу Сяньчжоу ничего не может ему сделать, без всякого страха приник к его уху и прошептал: Жду не дождусь, когда ты меня «накажешь», братик.

Лу Сяньчжоу ощутил такой внезапный выброс феромонов, что чуть не рухнул на пол, а Цяо Цзинь сидел перед ним, как гордый правитель, опустив взгляд.

Лу Сяньчжоу сжал его руку, подавляя готовый вырваться наружу феромон, и глубоко выдохнул: Ладно, хватит баловаться, давай просто поговорим.

Цы Шэнь и Ци Цзинь уже спали, тихо лежа рядом друг с другом, а лампу в комнате заменили на более мягкую, теплую.

Двое малышей в кроватке, и один большой, прислонившийся к её краю — вот и весь мир Лу Сяньчжоу.

Он обнял Цяо Цзиня за плечи, опустив на них голову: Спасибо тебе.

Цяо Цзинь поднял руку, обнимая его: За что ты меня благодаришь?

Лу Сяньчжоу: Спасибо, что подарил мне дом.

Цяо Цзинь моргнул и тихо выдохнул: Это всё, что я могу дать. Ни в карьере, ни в других делах я не могу тебе помочь, если что-то случится — я только сучусь от бессилия. Это я должен благодарить тебя.

За что же ты благодаришь меня?

Цяо Цзинь подумал: Спасибо, что поддерживал меня столько времени, не бросил, и спасибо, что позволил мне дать тебе дом.

Цяо Цзинь никогда не был идеальным, у него даже больше недостатков, чем у обычных людей.

То, что нормальным людям дается легко, ему стоит в разы больше усилий.

Но в том, что касалось отдачи, он никогда не жалел сил.

Лу Сяньчжоу тоже никогда не был идеален. Появление Цяо Цзиня восполнило все его пробелы.

Немногословен, но любит безмерно.

Собрал все сухие ветви, чтобы найти приют в настоящем.

— Конец —

Глава о Нин Лань

Доктор Хань, еще не уходите? — спросила медсестра Фэн Шу, закончив уборку и собираясь домой. Увидев, что Хань Ци всё еще в кабинете, она заглянула внутрь.

М.

Фэн Шу лишь хмыкнула, больше ничего не добавив. Хань Ци в больнице был белой вороной. В отличие от доктора Шэня этажом выше, который был добродушен, любил шутки и был легок в общении, или от обычных врачей, которые бывали то приветливы, то вспыльчивы.

Он был холодным, как лед. Проработав в больнице несколько лет, он ни с кем не сблизился — разве что доктор Шэнь мог обменяться с ним парой фраз.

Когда он только пришел на стажировку, многие медсестры и интерны строили на него планы — особенно учитывая его внешность. Даже несмотря на то, что его феромоны не были такими уж сильными, это никак не мешало омегам бегать за ним толпами.

Однако со временем все поняли: феромоны на него, кажется, вообще не действуют, словно у него иммунитет.

Поняв, что этот человек неприступен, никто больше не пытался напрашиваться на неприятности.

О, кстати, доктор Хань, Нин Лань приходила? — снова спросила Фэн Шу.

Эта Нин Лань была «звездой» всей больницы.

Она была первой, кто смог вывести Хань Ци из себя, терпела его холодное лицо полгода и при этом не сдалась, оставаясь при этом такой бессердечной.

Полгода назад она пришла забрать отчеты и, увидев Хань Ци, тут же схватила медсестру: Малышка, этот красивый врач из какого отделения?

Этой малышкой была Фэн Шу, которая ответила: Вы про доктора Ханя? Он занимается тестированием желез, знакомы?

Нин Лань покачала головой, прислонившись к стойке регистрации и наблюдая за кабинетом. Профиль Хань Ци был изящным и строгим, но с пациентами он был на удивление терпелив.

Малышка, доктор Хань женат?

Нет. У него даже омеги нет. В нашей больнице никто не смог его покорить, все сдались. Вы заинтересовались? — Фэн Шу посмотрела на эту сестру, от которой так и веяло альфой, что сама едва не влюбилась, но пришлось её огорчить, — Лучше вам сдаться.

Как же так? Сестра больше всего любит идти напролом. — Нин Лань подмигнула ей и легонько похлопала по лбу, — Спасибо, милая, как добьюсь успеха — угощу тебя свадебными конфетами.

Фэн Шу держалась за лицо, чувствуя, как девичье сердце трепещет: Какая же она крутая...

С тех пор, стоило Нин Лань появиться, все — от сплетничающих девушек до пожилых медсестер — следили за ней. Кто-то ждал шоу, кто-то искренне надеялся на развитие сюжета.

Только вот прошло полгода, а доктор Хань оставался таким же холодным, как прежде, иногда даже рычал на Нин Лань, и из кабинета доносилось скрежетание зубами: Ты вообще омега или кто?!

—

Хань Ци, положив пальцы на историю болезни, поднял на неё взгляд: Нет.

Фэн Шу: Перед уходом мне звонили, сказали, что она будет позже. Если вы торопитесь домой, она может прийти в другой раз, не спешит.

Пальцы Хань Ци замерли: Хорошо.

Фэн Шу: Тогда я пошла.

Хань Ци отвел взгляд. Под историей болезни лежали результаты анализов: у пациента наблюдались признаки легких патологических изменений в железах, и, похоже, ситуация стала немного серьезнее, чем раньше.

Не спешит.

Хань Ци вдруг охватила странная злость. Раз уж она не спешит, зачем вообще приходить в больницу? Насколько же она занята? У неё нет времени даже забрать отчеты, до такой степени занята?

Неужели её начальник не может обойтись без неё ни на минуту?

<http://bllate.org/book/21169/2144712>